

ЛОВУШКИ МЕГАПОЛИСА / ГОРОДСКОЙ ДЕТЕКТИВ

Почти идеальная семья

РИНА

ОСИНКИНА

Может быть, нам
просто не до конца
рассказывают
истории?

Ловушки мегаполиса. Городской детектив

Рина Осинкина

Почти идеальная семья

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Осинкина Р.

Почти идеальная семья / Р. Осинкина — «Эксмо»,
2020 — (Ловушки мегаполиса. Городской детектив)

ISBN 978-5-04-109200-9

Конечно, Валерия Бурова была, мягко говоря, не в восторге, когда на пороге ее квартиры появилась двадцатилетняя нахалка Юлия. Девушка заявила, что она дочь ее мужа, о существовании которой он все эти годы не подозревал. Да и сам Леонид от подобной новости опешил, однако не смог выгнать новоявленную дочь из дома и начал всячески ей помогать. С этого все и началось: недомолвки, недопонимание, ссоры в семье, а потом Леня и вовсе ушел на работу и не вернулся. Валерия оказалась на распутье – стоит ли разводиться или все-таки надо искать непутевого супруга, чтобы вернуть в супружеское гнездышко? А может быть, причина его исчезновения – вовсе не измена, а кое-что пострашнее?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109200-9

© Осинкина Р., 2020
© Эксмо, 2020

Рина Осинкина

Почти идеальная семья

© Осинкина Р., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Дочь в его жизни возникла 6 июля. Он хорошо запомнил дату, так как именно в этот день на растрескавшемся цементном полу забитого кирпичным ломом полутемного нежилого подвала обнаружили Славку Тимохина, вернее то, что когда-то Славкой являлось.

Тусклый свет стекал из широкого пролома в перекрытии между подвалом и первым этажом незавершенного и никогда уже не могущего завершиться здания гигантского спорткомплекса, строительство которого было затеяно как раз в канун великой всесоюзной перестройки, и освещал тело, пролежавшее в духоте бетонного мешка не менее суток, так сказали подъехавшие менты. Сказали предположительно, естественно. И естественно, никаких игр в тот день уже не проводилось, как, впрочем, и в последующие.

Был ли Славка ему другом? Пожалуй, да. И еще Тимохин был хорошим мужиком – без второго дна, истеричных амбиций и патологической тяги напакостить по мелочи ближнему, каковой нынче в среде успешных наемных служащих страдают многие.

Но Леонид почему-то не удивился, когда, пройдя за ворота комплекса и заметив испуганную нервозность ребят из охраны и кого-то еще из сервисной службы, узнал о случившемся. Хотя для вышеперечисленных не несчастьем это являлось, а гнусной подставой, реально грозящей увольнением, судебным преследованием, лишением лицензии и прочее, и прочее.

Леонид подоспел как раз к тому моменту, когда тело Тимохина, упаковав в скользкий черный полиэтилен, вытягивали на ремнях к свету, но Тимохину это было все равно.

Лёня постоял возле полосатой ленты, отделявшей место тимохинской смерти от прочего мира, послушал, о чем переговариваются опера и что им талдычит в ответ местный распорядитель Генка Балыкин, отбиваясь от цепких вопросов.

По всему было видно, что в подвал Тимохин свалился этажа этак с третьего, раскроив себе череп и переломав конечности, а туда игрокам вход строжайше был запрещен. Члены пейнтбольного клуба при поступлении давали администрации расписку, что поставлены в известность об опасности обрушения и прочих катастроф, в связи с чем обязуются выполнять правила безопасности и перемещаться только в отведенных для игры местах.

Видимо, Тимохин, вопреки правилам, решил осмотреть с высоты пространство боя, чтобы заранее наметить укрытия и ловушки.

Оправившийся от потрясения Балыкин бодро втирал ментам, что «Вымпел» – это спортивный клуб, а не режимное предприятие, поэтому никакого учета входящих-выходящих не ведется, а предъяви просто на КПП членский билет и следуй дальше. Чисто случайно тело обнаружили, считай, повезло. А то на такой жаре... Но клуб реально ни при чем! И рвался показать расписки.

Долговязый опер, задрав голову, рассматривал крошащиеся оконные проемы и языки балконных плит и какие-то металлические хлипкие конструкции на уровне четвертого этажа, оставшиеся от строителей. На наружных карнизах зеленели мелкими листочками молодые то ли топольки, то ли осинки, укоренившиеся в худосочном грунте многолетней пыли. Местами высота здания достигала шестого этажа, изредка только второго или третьего, кое-где часть стены отсутствовала вовсе, демонстрируя сторонним зрителям бетонные внутренности с лестничными пролетами, лифтовыми шахтами и перекрытиями между этажами. Крыши не было

совсем, поэтому здание сильно напоминало крепость на дальней римской окраине после успешного штурма варваров.

Этот долгострой вместе с прилегающей площадкой в свое время кто-то предприимчивый выкупил, огородил высоким забором, выстроил проходную и раздевалку, повесил при въезде табличку «Пейнтбольный клуб «Вымпел», и на этом все его затраты закончились, если не считать закупку средней паршивости спортивного инвентаря, который выдавался в прокат на сезон или на конкретный турнир. Но уважающий себя пейнтболист на игру приходит со своим инвентарем, а Ярослав Тимохин как раз таковым и являлся.

Он служил топ-менеджером в какой-то крупной то ли голландской, то ли немецкой фирме, стригущей урожай зелени на московской земле. Он был вполне обеспеченным человеком, чтобы позволить себе достойную машину и не жалеть денег на хорошее снаряжение. Говорят, его «БМВ» на стоянке рядом с комплексом обнаружен не был. Бросил в другом месте? Приехал на троллейбусе?

Не нравилось все это Леониду. Он вспомнил, как недавно они сидели в какой-то совсем не статусной забегаловке и пили кислое пиво из литровых пластиковых стаканов. Вернее, пил Славка, а Леонид его слушал. Разговор оставил тяжкий осадок, и облегчения он Тимохину не принес. А может быть, и принес. Все-таки Славка выговорился тогда.

Скорее всего, он бы не стал ничего Леониду рассказывать, тем более что тот не спрашивался. Но на выходе из КПП, когда после игры разношерстный пейнтбольный люд, кто, огрызаясь, кто, похохатывая, не спеша шел разбирать свои авто и байки, оставленные на платной стоянке возле бетонного забора, Тимохина перехватил парень, одетый не по летней жаре в серый костюм и черный галстук, а приятель парня неторопливо подошел со спины. Они были сдержанны, а Тимохин, напротив, психовал.

Из распахнутой настежь двери проходной выдвинулся плечом старик-гардеробщик и тревожно вслушивался, вытянув морщинистую тощую шею. И охранник, бродивший вдоль шлагбаума стоянки, напрягся и с показным равнодушием принялся что-то изучать совсем в другой стороне, но было ясно, что он тоже прислушивается, одновременно для себя решая вопрос, что ему надлежит делать, в случае чего. Похоже, что мальчики в сером – послы от кого-то серьезного.

Лёня тоже понял, что Славку прессуют, и хотел подойти, чтобы помочь отбиться. Но их беседа внезапно завершилась, парни развернулись и не спеша пошли к своей тачке, а один из них, на ходу приложив к уху мобильник, проговорил скучным голосом: «Скажи Фогелю, что клиент от услуг отказался».

И все, ситуация рассосалась. А Ярослав сказал подошедшему Леониду: «Давай по пивку», и руки его дрожали.

Это был последний раз, когда Лёня его видел. Сегодняшний – не считается.

В состоянии мрачной задумчивости Леонид поехал домой. Куда же еще? Домой, к Кнопке. Но он не станет ее грузить событиями дня. Хотя с ней поговорить хочется, и не мешало бы, но он перетерпит. Потому что он мужик, а мужику не следует взваливать проблемы на женские плечи.

Шурша шинами, его «Тойота» скатилась в подземный гараж.

Леонид машину запер, отметив, что «мерс» жены на месте, значит, она дома и ждет. Поднявшись по пологой бетонной спирали наверх, он грузно пошел через ухоженный двор к подъезду новенькой, чистенькой стильной двадцатичетырехэтажной жилой башни.

Дома его ждал сюрприз в виде щекастой веснушчатой особы в сиреневых штанах и розовой выше пупа маечке, обильно украшенной россыпью стразов.

Особу звали Юлечка. Лела их представила друг другу. Она так и сказала:

– Познакомься, Леонид, это твоя дочь Юлечка. Ей пошел двадцатый годик, и она страшно соскучилась по тате.

Лела так сказала и, обогнув его по дуге, вышла из кухни, где, звонко разбалтывая в чашке сахар, осталась сидеть за столом его внезапная дочь.

Дочь прищурила в улыбке глаза и растянула губы, ожидая, видимо, от него каких-то действий, какого-то проявления радости или, возможно, восторга.

Леонид ничего такого не выказал, а развернулся и отправился разыскивать жену.

Лелу он нашел в библиотеке, где та с незаинтересованным видом и прямой спиной изучала что-то в своем ноутбуке.

– Слышь, Кнопка, я ее в первый раз вижу! – недоумевающе прогудел Леонид и для убедительности помотал головой, пожал плечами и развел руками.

Валерия развернулась всем корпусом и взглянула на мужа насмешливо и отстраненно. Он ненавидел, когда она так смотрит, и всегда начинал злиться, чувствуя свое бессилие перед демонстрацией высокомерного безразличия. Но только не сегодня. Сегодня ему было по фигу, как она смотрит. Сейчас было важно не допустить катастрофы, потому как, ему понятно, внезапное появление в жизни женатого мужика внебрачной дочери грозит семье нешуточным катаклизмом.

– Ты хоть паспорт ее смотрела? – с раздражением спросил Леонид, не вытерпев паузы.

– Ну а ты как думаешь? – холодно улыбнувшись, проговорила жена.

– И что?

– Что – что? Мне ее имя ни о чем не говорит. Но родом она из твоего города.

– Из Глыбокоречинска?

– В точку.

– А фамилия у нее какая?

– Слушай, иди поговори с ней сам. Что ты ко мне пристал? Лепехина ее фамилия.

– Ничего не понимаю. Не помню я никакой Лепехиной.

Валерия дернула плечом и отвернулась. Разговор не доставлял ей удовольствия. Разговор ее мучил. Как и вся история с неожиданной Лёнькиной дочкой.

Лера не представляла, как по этому поводу ей следует вести себя с мужем, не знала, как вести себя с этой дочкой, и вообще не знала, как нужно себя вести в подобной ситуации. Но очень хотелось выволочь девку в лифтовый холл, дав хорошего пенделя напоследок, а мужа треснуть по башке разделочной доской.

Зачем только она позволила ей войти, остаться, налила ей чаю?.. Надо было гнать, надо было ее так доходчиво гнать, чтобы не посмела она больше искать Леонида, а найдя, жаловаться на злобную мегеру – его жену.

Но Лера с гордым и тяжким смирением пригласила девчонку войти и налила ей чаю.

По-другому она рассчитывала провести сегодняшний вечер, по-другому. Лёня пришел бы с игры часов в пять, принял душ и переоделся в чистое, а потом они бы сели неспешно ужинать. Лера любила их субботние ужины, и Лёня тоже их любил.

До замужества она не утруждала себя возней у плиты, но для этого мужчины научилась готовить и делала это превосходно, как и все, за что бралась.

Сегодня она воспроизвела сложный мясной рулет из трех видов мяса, и приготовила к нему рассыпчатый рис, блестяще-жгуче-золотой от сливочного масла и индийских пряных приправ, и припасла бутылочку красного сухого, чтобы было чем заливать огненные приправы. Но тут возникла эта Юля, и все пошло кувырком. Нет, прахом.

У них с Лёней хорошая семья. Несмотря ни на что.

Лера не пряталась от правды и верно себя оценивала – ее тяжело вынести в больших количествах, с ней трудно ужиться. Однако семья получилась хорошая. Просто Валерии повезло, и ей встретился этот человек. Хотя когда он принялся ее обхаживать, Лера не верила, что может что-то получиться и у нее будет семья. Слишком завышенные требования ко всем, а к мужчинам – в первую очередь, и слишком своевольный нрав не давали ей никакого шанса.

Она давно привыкла решать свои проблемы сама, и ей даже было смешно представить, что какой-то тип в мятых джинсах начнет вмешиваться в ее дела и путаться под ногами с неуместными и раздражающими командами. Да хоть бы и не с командами, а лишь с советами, произнесенными вкрадчивым тоном.

Однако кто сказал, что будет именно так, а вовсе не наоборот?

Лера тоже превосходно умеет давать команды. И она согласилась выйти за Воропаева замуж. А выйдя, принялась энергично воплощать свою модель семейной жизни в реальность.

Леонида не напугало, что новобрачная приступила верховодить, с ходу определив супругу роль бессловесного ведомого. Он не пузырился, отстаивая право на главенство, не подводил идеологию, по-интеллигентски рассуждая о том, что глава семьи – это мужик и только мужик. Ни ее безапелляционные указания, ни даже окрики, которыми поначалу она частенько грешила, на него не действовали никак. Он был иронично-благодушен и в этом благодушии непробиваем. Тихонько над женой посмеиваясь, поступал, как считал нужным, ловко поворачивая ситуацию по-своему. Но самодуром не был, свобод и прав жены не попирает, уважал ее мнение и потакал капризам.

Да, у них практически идеальная семья. Однако в том, что семья их стала именно такой, не одного Леонида заслуга, но и жены его тоже, поскольку она была, во-первых, умной, а во-вторых, прагматичной.

Она криво усмехалась, слышав рассуждения о любви, скрепляющей семейные узы. Видели мы эти союзы, начавшие жить по любви... Трезвый расчет и аккуратное соблюдение собственной выгоды – вот лучший цемент для доброго брака. Леонид ей, конечно, нравился, и этого довольно.

Поэтому, посоветовавшись со своим прагматизмом, Лера приняла решение к домострою приспособиться. Исключительно ради собственной выгоды.

Она отнюдь не превратилась в ласковую кису, которая трется шелковистыми щеками о протянутую хозяином ладонь. Все осталось при ней – и прямоту, и независимость суждений. Даже резкость, как стиль общения, тоже осталась при ней.

Чтобы муж не зарывался, она время от времени устраивала микросклоки, хотя исход их часто был предрешен. Справедливости ради надо заметить, что подобные разминки никак не отражались на климате в семье. Похоже, что Леонид относился к ее выходкам с благодушием взрослого, на которого набросился сердитый карапуз с погремушкой.

Валерию это задевало. Ей было непросто принять статус младшего, ведомого. И ломки ее настигали, и обижалась, и слушаться мужа не хотела, потому что гордость противилась, даже когда он бывал прав.

Но она сказала себе: «Что ты все ноешь? Хочешь – разведись. Снова станешь себе хозяйка. И никто не будет попирать твое эго».

И сама себе ответила: «Ну, если ты так ставишь вопрос, то я лучше останусь. Фиг с ним, с моим эго. Главное, у меня хороший муж, и он меня уважает».

Уважает ли?

Она прислушалась к голосам, доносившимся с кухни.

Леонид бубнил басом, что-то выпрашивая у незваной гостьи. В голове никак не укладывалось, что у ее мужа есть дочь, и эта дочь сейчас что-то оживленно ему рассказывает и строит умильные рожицы, стараясь понравиться.

Муж вернулся в библиотеку, держа возле уха телефонную трубку. Видимо, хотел говорить с кем-то в присутствии жены. Благородно.

– Привет, Тонь. Сколько лет... Ты теперь Лепехина? Дочка твоя тут у меня на кухне. Уверяет, что она и моя тоже. Что ты ей наговорила? Плохо слышно, говори громче. Как есть, так и рассказала? Иди ты. Надо же. А как вы адрес раздобыли? Угу. Понятненько. Да нет, все нормально. Бывай.

Леонид нажал на кнопку «отбой» и постоял молча, не глядя на Валерию. Потом произнес:
– Я с Тоней Жабиной встречался после школы. Теперь она Лепехина, вышла замуж и поменяла фамилию.

– И что? – не разжимая губ, поинтересовалась Лера.

– Ничего, – прячась за раздражением, ответил Леонид. – Поблагодарила, что сообщил, где Юля. Говорит, что волновалась.

– А откуда у них твой адрес? – спросила мужа Валерия, и ему показалось, что спросила брезгливо.

«Как же все гадко складывается», – подумал Леонид и решил ее тон не заметить.

– Помнишь Вадьку Макарова? – спросил он жену, оживляясь. – Который к нам осенью заезжал с вялеными бычками и самогоном? Ты еще поразилась, что первач в трехлитровую банку закатан. Макаров ей адрес дал. Я так понял, что девочка решила к нам приехать, никого в известность не поставив.

– Не к нам, а к тебе, – желчно произнесла Лера и встала.

Треснуть его по башке хотелось невыносимо. И пенделя под зад дочурке. Но ни того, ни другого она не сделала.

– Папа дома?

– Поздороваться не хочешь? – поинтересовалась Лера, не сдвинувшись с места. – Леонид Николаевич по делам уехал.

Девчонка протиснулась мимо Валерии внутрь квартиры и, разбросав посреди холла чумазые балетки, отправилась путешествовать по апартаментам.

– Круто у вас! Папа, наверное, неплохо зарабатывает. Вы не думайте, я ни на что не намекаю, у нас все есть. Просто мамка совершенная кукушка, я от нее жутко устала.

– Ты же взрослая уже. Зачем тебе мать-наседка? – спросила Лера, останавливаясь на пороге гостиной и следя за всеми передвижениями Лёнькиной дочки.

– Это вы правы. Сейчас меня это мало колышет. А раньше я страдала.

Валерия, услышав это «страдала», хмыкнула.

– Вы напрасно смеетесь, Валерия Львовна. Она же у меня актриса, в драмтеатре нашем выступает. Утром репетиция, вечером спектакль, а то и днем еще. Домой поздно приходила. Приходит. Мы с папкой, то есть, с дядей Сережей, ее иногда целыми днями не видели. Я его папкой звала, пока мамка не призналась, кто мой настоящий отец. А потом папке надоело, и он вообще от нас ушел. Потом с мамулей мы одни жили. А недавно она опять свою жизнь устроила, замуж вышла. Трудно с отчимом, Валерия Львовна. Вот я и решила отца отыскать. С ним и посоветоваться можно, он и поможет, если что. Вы знаете, я просто счастлива, что его нашла.

– А давно тебе мама призналась, кто твой... настоящий отец?

– Ну да... Она про него часто рассказывала. Только не говорила прямо, что он мой отец. Говорила, что расстались они по ее вине, а теперь она страшно жалеет. Но уже ничего не поделаешь, у него жена. Вы то есть. Встретиться все мечтает. Говорит: «Вот бы увидиться еще разок, юность вспомнить. Прощения попросить за все мои выходки». Представляете? Она его очень сильно любила. Может, до сих пор любит. Но она очень порядочная женщина, хоть и актриса. Она никогда чужую семью разбивать не будет, вы не беспокойтесь, Валерия Львовна.

Послышался звук открывающейся входной двери, и девица, оттеснив Леру, кинулась в прихожую встречать отца.

Радостно взвизгнула: «Ура, папа пришел!»

Валерию передернуло.

Она ясно представила мизансцену: великовозрастная дочь кидается Лёньке на шею и слюнявит ему щеки. Актриса. Хотя что она хочет от девчонки, у которой такая мать?

Леонид добродушно произнес:

– Привет, привет, стрекоза. Решила проведать родителя? Как успехи?

Считалось, что Юлия поступает в институт, хотя скепсис не позволял Лере поверить в это ни на йоту. Особенно потому, что название вуза каждый раз озвучивалось новое. Таковые несостыковки с мужем решила не обсуждать, понимая, что он сам не дурак и выводы сделал. Только почему он так странно себя ведет?..

Недавно она спросила, из всех сил делая незаинтересованное лицо, а не собирается ли Леонид провести анализ ДНК?

Он тут же ответил, как ей показалось, резко:

– Юля претендует на твою жилплощадь? Или хочет отсудить у тебя любимый джип?

Валерия пожала плечами и вышла из комнаты. Такого она не ожидала.

В голову все чаще приходила дикая мысль, что в подмосковном городке Глыбокоречинск в полутемном, пахнущем сладкими благовониями кабинете потомственной ведьмы, какой-нибудь Стефаниды или Маркелии, произвели над мужниным фотопортретом магический ритуал, и теперь Леонид безвольным чурбаном будет выполнять все прихоти новоявленной дочери, а заодно и ее мамыши, никак не реагируя на критику и не слушая доводы рассудка. А если критика станет уж слишком навязчивой, пришибет жену разделочной доской, чтобы не смела говорить плохо о Юленьке и не путалась под ногами.

Далась ей эта разделочная доска...

Юля между тем суетилась в прихожей, подавая отцу тапочки и вытаскивая из его рук портфель, а потом сопровождала папеньку до дверей ванны, куда он отправился помыть руки, и чирикала, не переставая, что она по нему «жутко соскучилась».

Валерия мрачно проследовала на кухню накрывать на стол. На три персоны. Пропади оно все пропадом.

Поговорить с мужем нормально пока не получалось. Ревность не позволяла Лере напрямую спросить Лёню о том, что за история была в его прошлом.

Бывает ли ревность без любви? Оказывается, бывает. Гордость мешала разузнать, как он отнесся к тому, что у него есть дочь, и выяснить, что он в связи с этим планирует делать. Если планирует. И уж тем более не могла она расспрашивать мужа о том, какие чувства остались у него к той Антонине. Если остались.

Лера очень-очень, просто панически боялась, что остались.

Валерия замуж вышла в тридцать шесть. Это было второе по счету ее замужество. Первое случилось еще в институте, как раз перед защитой диплома, и не продержалось и двух лет. Мальчику потребовался уход и внимание, он постоянно ныл, изводя Леру капризами по поводу глаженной рубашки и «опять яичница». Ему хотелось натертых полов и запаха жареной картошки.

А Валерию в то время занимали поиски себя в реальности строящегося капитализма. От перспектив захватывало дух. Захватывало дух от открывающихся возможностей, которыми не воспользоваться было глупо, а медлить с этим – глупо в квадрате.

В конце 90-х – начале нулевых активно плодились совместные предприятия молодого российского бизнеса с бизнесом стран капитализма зрелого, производственные кооперативы и ИЧП устойчиво держались на плаву, способствуя процветанию поместного рэкета, крепили первые всходы коммерческих банков и страховых компаний, больше похожих на финансовые пирамиды.

Должность плановика производства, увенчавшая ее дипломом о высшем, не давала Валерии ни малейшего шанса найти работу по профилю сей уважаемой в недавнем прошлом специальности, но именно это и стимулировало Лерину активность. Она жадно искала работодателя, который по достоинству оценит ее мозги, изобретательность, энергию и прочие качества, не последними из которых были напор и натиск.

Леру понесло из фирмы в фирму, с должности менеджера по продажам на должность координатора тех же продаж, а потом она стала заместителем управляющего страховой компании, а потом начальником департамента российско-финского СП, а потом она подружилась не с теми людьми.

Рисковый мужик из «новых русских» убедил Леру бросить цивилизованных финнов и начать работать на него. Под вывеской какого-то ООО, то ли «Рассвет», то ли «Ракета», он арендовал стандартную выгородку на компьютерном рынке, где они с напарником занимались продажей пейджеров и мобильных телефонов, на тот момент товаром не многим доступным, но притягательным. Товар хитрыми путями притекал им с дальних восточных рубежей, и, несмотря на транспортные и таможенные издержки, дельту с продаж пацаны имели головокружительную.

– Соглашайся, старушка, – сказал ей тогда Антон. – Не достало тебя, что ли, в подземку спускаться? У меня ты за полгода заработаешь на тачку, а за год на квартиру.

Но не корысти ради решила Валерия на столь резкие перемены. Вернее, не только ради корысти, и уж, конечно, не в первую очередь.

Бурова жаждала какой-то лихой пиратской романтики, ей хотелось добиться в жизни яркого результата, хотя она и не понимала сама, какой успех ей конкретно видится в перспективе. А для начала просто стать рулевым, нет – капитаном, конечно же, капитаном собственного корабля, а не служить винтиком отлаженного финско-российского механизма, где не было места ни дорогой для русской души расхлябанности, ни полету идей, ни даже инициативе. Ничего, кроме тупого прессинга и штрафов за трехминутное опоздание. И она согласилась.

Антон был сильный и опасный человек, и его роковое обаяние заворожило Бурову, не могло быть иначе. И новый темп жизни ее устроил, и нервно-рванный график рабочих дней, когда неделями приходилось спать по пять часов в сутки, а потом разрешать себе внезапный однодневный отдых на берегу Адриатики, и азарт конкурентной борьбы, и хлопки и шипение шампанского по завершении очередной фантастической сделки. И насмешливая похвала Антона. И, конечно же, Леру устроили деньги, хорошие деньги.

Но как-то случайно она обнаружила, что у некоторых сотовых телефонов, поступающих партиями на склад, имеются прицел, затвор и магазин, хотя по накладным с мобильниками все было чики-поки. Это открытие ей сильно не понравилось. Она не решилась задать прямой вопрос Антону, инстинкт самосохранения воспротивился. А потом Лера стала ловить на себе нехорошие взгляды его напарника и не знала, как эти взгляды следует оценивать. Не знала, но предположение сделала.

Тот же инстинкт самосохранения заставил ее действовать. Она придумала болезнь и больницу, и последующий отпуск за свой счет.

Не теряя времени даром, нашла по обмену квартиру в противоположном конце Москвы, там и затаилась.

Она была рада-радехонька серенькой должности менеджера-маркетолога на сереньком предприятии по производству ламп. Однако вскоре Валерия поняла, что лампы были не накаливания, а бегущей волны, а это круто. Что производство было высокотехнологичным и инновационным, а само предприятие, в смысле стен и оборудования, выглядело сереньким и неказистым только на невнимательный взгляд.

От должности менеджера она быстро добралась до руководителя отдела маркетинга корпорации «Микротрон», и там прижилась, по сходной цене предоставив в эксплуатацию капиталисту Лапину свои мозги, изобретательность и энергию.

За всеми этими перипетиями муж куда-то делся, Лера осталась жить одна, радуясь, что никто теперь не отвлекает ее от собственной, частной и отдельной, жизни и не отнимает время на чушь – носки, трусы, рубашки и котлеты вместо яичницы.

Она утвердилась во мнении, что идеальные люди есть, но идеальных мужчин не бывает. Неидеальные ее раздражали, некоторые из них – бесили.

Леонид Воропаев, с которым они оказались соседями по дачным участкам, ее тоже бесил, и даже в большей степени, чем многие другие. Он был кондово-прямолиней, шумен и громогласен, и ему было откровенно наплевать на то, как высоко она о себе думает.

Леонид приобрел соседний с Валерией участок со старой халупой посредине, предполагая развалюху снести и соорудить на ее месте что-нибудь пышное и конкретное. Лера на тот момент уже отстроилась и свой типовой домик из бруса с мансардой и крошечной верандой холила, как старушка любимую болонку.

Знакомство их началось с вульгарного дачного конфликта, зачинщицей которого явилась Лера и в котором была, мягко говоря, не совсем права.

Главной ее целью тогда было доходчиво объяснить новичку, что ему никто не позволит наводить тут свои порядки, а тем паче, ущемлять в правах, создавая пусть временные, но все же неудобства. Она пронзала холодным взглядом и рычала, демонстрируя повадки «одиноким волчицы», чем Леонида весьма позабавила. В его глазах соседка тянула лишь на подросткового щенка мастифа, задиристого и самоуверенного.

Прикидывая, сколько соседке лет, он все время путался и сам потом себя правил. То ему казалось, что Лере нет тридцати, то приписывал ей все сорок. Мелькающая ребячливость и бьющая через край энергия постоянно сбивали Леонида с толку, замарывая предыдущие выводы, основанные на морщинках и прочих возрастных несовершенствах.

Соседке вполне подошли бы варварские доспехи из дубленой кожи с медной чешуей брони на груди, локтях и коленях. Этакая крепко сбитая и скорая на расправу кельтская воительница. При условии, конечно, если у той воительницы имеется светло-каштановая толстая коска, курносый веснушчатый нос и задиристое сопрано.

Ее воинственные наскоки Леонида не напугали и не вызвали ответного раздражения. Странно, но он не увидел за ними ни склочности, ни тем более мелочности. Вместо этого он рассмотрел твердый характер и природное стремление делать все самой, ни на кого не рассчитывая и не полагаясь. А может, не было никакого природного стремления? А может, просто так жизнь сложилась? И он подумал, про себя усмехнувшись, что посмотрел бы на того мужика, который заставит ее подчиняться. И тут же понял, что никакого мужика рядом с ней не потеряет. И тогда он стал навязываться с дружбой.

То ли по причине его непробиваемого безразличия к едкой язвительности стихийной феминистки, то ли оттого, что самой феминистке неожиданно понравилось с ним пикироваться и иногда даже о чем-то серьезном рассуждать, позволяя себе поумничать и задеть по касательной не столь тонкого и начитанного соседа, больше похожего на братка из анекдота, чем на законопослушного хозяина оконно-балконной фирмы, Лера его от себя не прогнала. Теперь она рада, что не прогнала.

В ухаживаниях и развлечениях, которые он предлагал своей даме, не было ничего высокоинтеллектуального, утонченного или продвинутого. Никаких модных выставок, показов коллекций, ночных клубов и прочих нынешних фенек.

Он традиционно вытаскивал Валерию на шашлыки в зону отдыха «Сербора», менее традиционно – на конные прогулки, хотя ни он сам, ни его дама ездить верхом не умели. Они оставили кучу денег на аттракционах в «Сокольниках» и в уличных тирах, где пуляли в жестяные мишени из пневматики, и оба мазали. Вернее, кучу денег оставил, конечно же, он, Леонид.

Но однажды он все-таки ее удивил. Видимо, опасаясь, что дама может заскучать от шашлыков и аттракционов, он вызвал ее на турнир.

Леонид вдохновился этой идеей под впечатлением от прогулки по вернисажу в Измайлове.

Незамысловатая ее суть состояла в том, чтобы посоревноваться, кто из них продаст больше ненужных вещей, если, потеснив пенсионерскую мафию, устроится торговать в блошином ряду, разложив свой товар прямо на дощатый настил.

Лера хмыкнула и согласилась. Она знала наперед, что в этом дурацком турнире легко одержит победу, поскольку умение торговать было ею доведено до совершенства на всех предыдущих работах, не считая ныне имеющейся.

Пошарив на антресолях, она нашла несколько разномастных кофейных чашек, эстамп на фанерной доске с изображением кривой сосны над обрывом, старый будильник и фарфоровую статуэтку балерины.

Леонид нарыл у себя какие-то длинные узкие железки, которые называл надфилями, маленький, еще со школы, изрисованный фломастерами альбом с почтовыми марками, несколько значков и старые брючные ремни.

Они стремительно проиграли друг другу со счетом один-один.

У Леры моментально выкупили балерину и чашки, у Леонида – марки оптом, а соседи по торговому ряду, которые и без того смотрели на пришлых недобро, услышав запрошенную цену, хором обозвали их идиотами и велели больше здесь не появляться. Было весело.

Той же осенью Леонид тяжеловесно предложил ей жить вместе, а то и пожениться.

Она согласилась. Она ждала таких слов, и она хотела их услышать. Но сразу расставила все точки над *i*, уведомив претендента, что не создана для материнства. Не то чтобы физиология не позволяет, а вот просто – не создана, и все.

Без ненужного самокопания она истово не желала пуза, проблем с молокоотсосом, пеленок, подгузников, кашашек, бутылочек, сосок, колясок и всех остальных родительских радостей.

Будущий муж ее заявление воспринял спокойно и тайм-аут не взял.

Он сказал просто: «Ну, не создана, значит, не создана» и повез невесту выбирать колечко.

Их быт был налажен, вся их жизнь была построена. Они не скучали, когда оставались вдвоем, и они по-прежнему друг другу нравились. То есть были симпатичны. То есть их друг к другу тянуло.

Любили? Если это любовь, то любили. Хотя Лера избегала высокопарных определений, Леонид тоже.

И ни о каких переменах в семье они не помышляли. Леонид не делал грустно-умильную рожу, глядя на соседских карапузов в коляске возле подъезда, и не предлагал жене купить щенка, а Лера не тушевалась, когда знакомые задавали расхожие вопросы о детках.

А вот теперь она чувствовала приближение беды. Катастрофы. Муж сделался замкнутым и неразговорчивым. И холодным. Или равнодушным? Теперь частенько супруги лишь за ужином перебрасывались ничего не значащими фразами, а потом Леонид, отказавшись от чая, запускал компьютер, а потом молча отправлялся спать.

Если не приходила Юля.

Если приходила Юля, то картина становилась иной. Леонид оживал. Вот, как сейчас, например.

Лера начала понимать, что значит «я страдала».

Лера страдала. Нервы сдавали, и Лера принялась дерзить. Дерзить, хамить и говорить гадости. Мужу. Не этой же, пропади оно все, дочечке...

Войдя на кухню, Леонид мимоходом кивнул жене и уселся на свое обычное место.

Следуя за ним по пятам и чуть ли не приплясывая в щенячьем восторге, возле обеденного стола материализовалась и глыбокоречинская нахалка и плюхнулась напротив, заняв обычное место Леры.

Семейная идиллия продолжалась.

– Пап, а мы в Глыбокоречинск с тобой съездим? У тебя когда отпуск? Давай сделаем маме сюрприз, а?

Леонид пугливый взгляд на жену не кинул, не закашлялся, выигрывая время, а проговорил размеренно и спокойно:

– Не фантазируй, стрекоза. Ты взрослый человек и должна понимать, что есть вещи совершенно неприемлемые.

– Да что тут такого неприемлемого?! Это же...

– Стоп, Юля. Утомонись. Давай лучше поговорим о том, какой подарок мы тебе сделаем, когда ты поступишь в институт.

– Ну, что ты, пап. Мне ничего от тебя не надо, совсем ничего! – с трогательной доверчивой наивностью проговорила девица, распахивая голубые глаза.

«Актриса», – привычно подумала Лера.

– Ну, это мы посмотрим, – произнес Леонид. – Ты все еще у подруги живешь? Наверное, надо тебе квартиру снять. Я подумаю над этим.

Глаза дочки засияли. Отец усмехнулся. Его жена молча жевала еду, уткнувшись в тарелку.

Потом Юля вежливо сказала: «Спасибо, Валерия Львовна, все было очень вкусно», а Валерия не расслышала. Вот не расслышала.

Потом Леонид, кинув исподлобья на жену мрачный взгляд, поднялся, чтобы дочь проводить, а жена, конечно, не сдвинулась с места. Затем до нее донеслись голоса из прихожей. Ее муж произносил слова с покровительственной лаской, а дочь ее мужа – с лаской благодарной. Идиллия.

«А моя идиллия, кажется, завершена. Теперь я для него уже не маленькая девочка, а взрослая и желчная тетка, у которой нет и в помине великодушия, благородства, понимания и жертвенной любви. Как, должно быть, он во мне разочарован. С ума сойти».

Леонид, вернувшись на кухню после трогательного прощания с крошкой, неодобрительно спросил:

– Ты не могла бы быть с ребенком поприветливее?

– Это твой ребенок, – звонким голосом проговорила Валерия и швырнула в мойку недомытую вилку. – Жаль, что так долго вы были в разлуке. И жаль, что встреча ваша не состоялась лет этак пять назад. Или, на худой конец, четыре. Но все можно исправить, не так ли?

И сорвав фартук, она вышла из кухни стелить себе в гостиной.

На следующее утро они не разговаривали. Возможно, так бывало и раньше, утро – это вообще трудное время, но раньше Валерия не придавала бы этому значения. Носилась бы по квартире, выдергивая из шкафов одежду себе и мужу, запихивая в сумочку бутерброды, которые Лёнька неизменно ей сооружал, подсовывала бы ему под нос тарелку с гренками и яичницей, отобрав смартфон, в котором тот шарил по новостям...

Но это утро действительно было другим. Вчера ей, конечно, не удался демарш с подушками на диван в гостиную.

Леонид вырвал у нее из рук плед и сказал устало:

– Не мотай мне нервы, Лера, у меня и без того сплошные проблемы. Ложись нормально, завтра все обсудим.

И она послушно легла, заняв свое место на супружеском ложе, но заснула только под утро.

Леонид с его «проблемами» вырубился на счет «раз». Может, притворялся? И что за проблемы у мужа?

Вот, например, третьего дня он был на похоронах. Хоронили его приятеля. Это можно считать проблемой? Да нет, какая проблема – похороны... Скорее тяжкая необходимость и долг чести. Или он столь серьезно переживает утрату?

Валерия так и не вникла, что с этим приятелем произошло. Какой-то несчастный случай. Она не была лично знакома с Ярославом Тимохиным, а знала его лишь по Лёниным рассказам. Мужики сдружились на почве общего увлечения пейнтболом, вряд ли их связывало что-то большее.

Ни в тот день, когда Славку нашли мертвым, ни в дни последующие Леонид никаких пространных разговоров с женой на эту тему не заводил. Собирался, но не сложилось. Желание поделиться тут же исчезло, как только перед Леонидом образовалась ситуация в виде рыжей девицы в сиреневых штанах. Все прочие разговоры теперь казались в своей важности фальшивыми или же неуместными. Он лишь бросил в тот вечер коротко: «Вчера Славка погиб», а Лера ничего уточнять не стала. Ей тоже было не до погибшего Славки.

Сейчас, лежа в постели без сна, она жгуче жалела, что была такой крысой и не помогла мужу выговориться, а ведь это бывает так важно – чтобы кто-то тебя послушал. Нет, не кто-то, а именно тот, кто не осудит за сопли и сколько нужно будет терпеть твои излияния, не задирая иронично бровь и не кривя губы в скептической ухмылке. Но не порасспросила и не выслушала.

Хотя понять ее можно. Когда без предупреждения в твою жизнь врывается мужчино прошлое и начинает все рушить, непросто оставаться благородно-бесстрастной.

А вдруг ты все не так видишь, вдруг его ностальгия вовсе и ни при чем? Может, и нет ее, ностальгии? А замкнутым он сделался все-таки из-за кончины друга... А также потому, что Лере нет никакого дела до того, что у мужа по жизни происходит, вообще ни до чего нет дела, кроме своей уязвленной гордости, которую на самом деле никто не задевал.

Сама виновата. Родила бы Лёнке ребеночка и не тряслась бы сейчас. Была бы спокойной и невозмутимой мамашкой и женой в своем праве.

Но он же был согласен! Он с самого начала не возражал и не настаивал, и потом, когда они достаточно долго прожили вместе, никогда не поднимал эту тему, значит, его все устраивало?! Или нет?... Ну, мог бы хотя бы намекнуть!.. А теперь получается, что Лера ему не нужна и сама во всем виновата.

А кто еще? Сама и виновата. Особенно если сравнивать. После того как выяснилось, что есть в жизни Воропаева Леонида женщина, которая захотела от него родить. И без всяких условий. Родила и воспитала, и вырастила, а вот ты, Лера, не захотела. Да, сравнение не в твою пользу, детка, ох, не в твою.

И что теперь? Пока не поздно обзаводиться потомством, чтобы мужа окончательно не потерять?

От накатившего ужаса Лера даже тихонько взвывала, почувствовав себя приговоренной к пузу, молокоотсосу и всему прочему.

Она ворочалась в кровати, вставала попить водички, снова ложилась и вновь ворочалась, и сон все не шел, и ей было муторно и тошно. Утром, все выяснится утром. Она боялась утра. Как будто сделала что-то гнусное, подлое и чрезвычайно непорядочное, ну, к примеру, изменила мужу, и это вылезло наружу, и впереди разговор, который всего-навсего отложен.

Что за выверт сознания?! И отчего она чувствует себя виноватой? Кто, в конце концов, в этой ситуации жертва? Конечно, она, Лера. Это муж должен ощущать вину, а не наоборот. И ей нечего бояться. Она сможет достойно выдержать любую правду, лишь бы это правда была, а не увертки, за которыми обычно любит прятаться сильный пол.

Но утром разговора не случилось. Муж даже не притронулся к творожной запеканке, которую Лера ему выложила на тарелку, обильно удобрив густой сметаной. Он не присел к

столу. Молча и торопливо выпил чашку кофе, который сам себе и сварил. Выпил, стоя над плитой. А потом отбыл на работу.

А Лера делала вид, что это ей безразлично. Что ее не задевает остывшая запеканка. И не трогает, что муж не произнес ни единого слова. И не кивнул. И не посмотрел в ее сторону ни разу. Просто ушел.

Или он так решил ее наказать? Зашибись! А за что?

Сидя сутуло на высоком кухонном табурете, она горестно послушала, как мягко захлопнулась входная дверь, а потом, разозлившись на себя за эту бабью горечь, выдернула из пачки сигарету.

Фигня все это. Это все фигня. Она справится. Соберется с мыслями и примет решение. Сама. Как это делала раньше. Как это делала всегда. А потом решение исполнит. И хватит себя жалеть, в самом деле.

Вот то, что «спецназа» больше нет, это действительно жалко. Разбежались девчонки, а то бы они быстро Леру вылечили, и следа бы от хандры не осталось. Ситуация не изменилась бы моментально, однако относиться к ней Валерия начала бы уже по-другому – и легче, и проще. Да и совет непременно толковый получила бы, и в его исполнении активную помощь.

«Спецназ» – это три Лерины подруги: Катя Демидова, Алина Росомахина и Киреева Надежда Михайловна. Хотя теперь она не Киреева.

Все они работали на капиталиста Лапина в холдинге «Микро-трон», там и сдружились. По-настоящему. Характеры разные, у каждой свои тараканы, амбиции, проблемы, но сдружились.

Лёня их тусовку «спецназом» назвал в иронично-уважительном смысле. Хотя лично ни с одной из Лериных подруг на тот момент знаком не был, но от Леры был слышан об их невероятной крутизне. А какие еще подруги могли быть у его жены? Только такие. Конечно, говорить про девчонок, что они «разбежались», несправедливо. Они просто очень и очень заняты сейчас, но разве Лере от этого легче?..

Разброд их начался с того, что Алина ушла в декретный отпуск и в положенный срок произвела на свет пацана, которого назвали Тимофеем. Ей, наступая на пятки, Катя разродилась двойней и тоже пацанами, Илюхой и Кирюхой. Но хронологически первой птахой перелетной стала Киреева, которая взяла и уволилась, не забыв напоследок прикольнонуться и выйти замуж за их большого босса – Лапина Ивана.

Лера радовалась, по-честному радовалась счастливым переменам в жизни подруг, но без них на работе ей стало грустно. В окружении двухсот сорока шести служащих корпорации она чувствовала себя, как на покинутой зимовке, хотя никогда не тяготела к «колхозу» и гордилась своей автономностью.

Конечно, они созванивались. Конечно. Но у Алины и Кати с их младенцами был постоянный цейтнот, особенно не разговоришься, да и мозги у девчонок сейчас не туда повернуты. Одна только Надежда Михайловна оставалась Лере для полноценного общения. Казалось бы, чего и желать-то? Ведь именно ей Бурова доверила бы самые страшные свои секреты. И именно к ней в первую очередь обратилась бы за поддержкой и советом. Но все было не так просто.

В течение рабочего дня Киреева предпочитала личные разговоры не вести, в чем Бурова была с ней полностью согласна. Таким образом, их брифинги проходили по вечерам, когда обе добирались до домашних телефонов и устраивались в удобных креслах, сунув уставшие ноги в тапки с помпонами. Только эти брифинги длились ровно до того момента, пока домой не возвращался феодал Лапин. Приходил Лапин и тут же перетягивал одеяло на себя. Но хотя бы так...

Лере всего лишь следует дождаться вечера. Киреевой она непременно позвонит, это точно. Надежда Михайловна удивительно быстро ориентируется во всевозможных проблемах

житейского толка и даст Лере хороший совет. Конечно, решение Лера будет принимать сама, но совет от Киреевой ей вовсе не помешает.

А сейчас дернем кофейку с сигареткой и в путь. На дорогах небось опять пробки, хоть и пора отпусков. И обойдемся нынче без ваших бутербродов, уважаемый муж. У нас в буфете, на первом этаже, подают весьма приличные корзиночки и ромовые бабы.

Валерия щелкнула зажигалкой, затаилась. Пододвинула поближе пепельницу. Сделала еще затяжку, раскуривая сигарету. И почувствовала приступ острой тошноты.

Гортань деревянно онемела, а рот наполнился горькой слюной. К горлу подкатил спазм. Трясущимися пальцами она торопливо затушила сигарету, прикрыла рот ладонью и замерла, не дыша и часто сглатывая слюну.

Зашибись. И что это значит? Только бы не то, о чем подумала. Погода меняется, вот и все. Атмосферное давление и магнитные бури. Или эффект плацебо. В смысле, воображение у тебя, Лера, богатое. Впечатлительная ты очень и самовнушаемая. Не фиг было всю ночь самоедствовать, а потом страшные картинки представлять. Короче, никакой паники. Все под контролем.

Отдышавшись, направилась в ванную высморкаться и смыть выступившие слезы. По дороге вспомнила, что у нее отпуск.

Вот так, у нее с сегодняшнего дня отпуск. О котором она мечтала весь год.

Хотя мечтали они с Лёнкой вместе. Строили планы, как поедут на недельку в Стокгольм. Или в Прагу. Или в Мадрид. Но лучше в Стокгольм, там сейчас не так жарко. Потом им втемяшилось, что наша Карелия круче. Чащобы с морошкой, чистые речки с ряпушкой, воздух без смога, а от гнуса можно репеллентом растереться. И зачем им эта заграница, когда Карелия есть? Тем более что оттуда до финнов рукой подать, если уж в Европу потянет. Леонид планировал взять в каршеринг домик на колесах, для путешествия с романтическим комфортом, но не заходя, чтобы лишнее не платить за прокат. А сегодня ушел в свой «Скворечник» и про отпуск даже не вспомнил.

Фирма его так называется – «Скворечник». Балконно-оконная. Оконно-балконная.

Ну, ладно – Лёнка. А как сама Лера могла позабыть? А почему нет? Могла. За всей фигней, что происходит сейчас в семье, забыла. Забыла, заморочилась.

Она вяло присела на пуфик в прихожей, так и не дойдя до ванной.

«А поеду-ка я сейчас на дачу, – медленно, с расстановкой, сказала себе Валерия. – А вот поеду. А папаша с дочкой нехай готовят себе разносолы сами. И зачем стеснять родственников и мешать им общаться? Не будем мы мешать родственникам общаться. Может, Воропаев мечтает повидать свою старую любовь. Может, я его связываю по рукам и ногам. Не будем мы никого связывать. Пусть себе общается. И к дочкиной мамане пускай вместе валят. С целью воссоединения любящих сердец. Тем более он отпуск брать собирался. В Стокгольм лететь. Или Прагу... А тут лучше, тут – родной Глыбокочечинск. Вот счастье-то! Вот счастье...»

Она не заплакала. Еще чего. Вскочила резко, побросала в дорожную сумку каких-то сухих полуфабрикатов и консервов, упаковку туалетной бумаги и стопку пластиковых тарелок, гель для душа, тюбик зубной пасты и крем для рук. Вытащила из холодильника полторашку питьевой воды, чтобы не умереть в дороге от жажды, и, взглянув с содроганием на пачку сигарет, застегнула молнию раздувшегося саквояжа.

До двери дотащить она его не успела. Услышала, как ключ поворачивается в замочной скважине. Вместе с поклажей нырнула в темную кладовую, где стояли пылесос, гладильная доска, лыжи... Лёнкин ящик с разводными ключами и отвертками... Притихла, осторожно потянув на себя дверь. Не дышала. Это почему-то вернулся муж. Зачем вернулся? Сейчас это не важно. Важно, что ей совершенно не хочется сталкиваться с ним в дверях. Хотя глупо все это.

Нужно выйти с достоинством и проследовать мимо него куда-нибудь. Например, в библиотеку. Или на кухню. Или сразу в прихожую, на выход, не сказав при этом ни слова, как и он поступил с ней меньше часа назад. Но Лера не сдвинулась с места. Потому что муж с кем-то разговаривал по смартфону.

Он разговаривал, войдя в квартиру, разговаривал, когда шел мимо двери, за которой притихла Лера, продолжал говорить в библиотеке, одновременно что-то торопливо перемещая на письменном столе. Судя по звукам, он выдвигал ящики и перекладывал с места на место шуршащие бумаги и все говорил и говорил. Голос его был сухой и непривычный. Механический? Деревянный? Лера никогда не слышала у мужа такого голоса.

«На войне как на войне», – подумала Лера и приготовилась подслушивать.

– Никаких проблем не будет, Илья Борисович. Ей не то что половины не принадлежит, ей вообще не принадлежит никакой доли. Да, все сто процентов мои. Нет, ставить в известность жену я не планирую. А на каком основании она будет возражать? Да не волнуйтесь вы так, Илья Борисович, никаких неприятностей у вас не будет. Я знаю, как подстраховаться. Поэтому настоятельно прошу договор дарения подготовить к моему приезду. Я сейчас к вам подъехать не могу, дел много, но по электронке отправлю все отсканированные документы. Да, все – устав, свидетельство о регистрации... Нет, у меня не ЗАО, у меня ООО. А оригиналы привезу лично. Дело срочное, как вы понимаете. До встречи.

И затем Леонид, на ходу запихивая топорщащуюся кипу бумаг в портфель, прошагал к входной двери.

Ильей Борисовичем звали его нотариуса. Не то чтобы нотариус. Костенко был Лёнькиным личным имуществом или числился в штате «Скворечника», где и получал зарплату, но все вопросы, связанные со всевозможными доверенностями и заверением многочисленных копий, Леонид издавна решал через Илью. Для упрощения и ускорения всех процедур он время от времени приглашал нотариуса на шашлык, а для закрепления хороших отношений оказал конкретную помощь рабочей силой и стройматериалами, когда тот решил отстраиваться на своих сотках под Рузой.

Лера услышала мягкий стук закрывающейся двери.

Зашибись.

Сведя брови к переносице и сосредоточенно наморщив лоб, она вышла из закутка и маленькими шажочками направилась на кухню. Зачем-то. Дошла. Постояла. Развернулась, пошла в библиотеку, где только что ее муж решал по телефону технические вопросы дарения своей фирмы. Дарения кому? Неужто непонятно?..

Лера всегда гордилась, что у мужа есть фирма. Что он у нее трудяга и предприниматель. Что он не перепродает через интернет или на рынке возле метро дешевые товары, после чего они становятся уже не такими дешевыми, а делает что-то сам, своими собственными руками. Образно выражаясь, конечно. Но тем не менее не перепродает.

Большая ли у Лёньки фирма? Не очень, бывают и побольше. Человек тридцать или около того, включая трех менеджеров-замерщиков, бухгалтера и секретаря. Есть водители на «газели», есть бригада слесарей, есть кладовщик. Остальные – ребята-монтажники и отделочники. Прорабом выступает один из замерщиков, а иногда и сам хозяин, некогда закончивший строительный техникум и даже успевший поработать в этом качестве на пыльных стройках Москвы. Что-то Леониду на этих стройках не понравилось, и он решил, что ему нужна своя собственная фирма, и она у него появилась – жизнестойкая, отлаженная и приносящая надежный доход. А потом в его жизни появилась Лера.

Лера никогда не стремилась стать совладелицей «Скворечника», так сказать, де-юре и не обижалась, что муж эту тему ни разу с ней не обсуждал. И так ведь понятно, что если это Лёнино, то и Лерино. Как коттедж в Панкратовке, который раньше принадлежал только ей, а теперь стал общим. Как их новая шикарная квартира. Свою однушку Лера продала, а деньги,

не задумываясь, вручила мужу, чтобы тот, приложив их к полученным от продажи своих двух комнат в коммуналке, купил эти апартаменты.

И вообще, она же не обижается, что набор разводных ключей или, предположим, отверток Леонид считает своими? Не обижается. Зачем Лере эти отвертки? Совершенно они ей ни к чему. Она же не будет ими ничего отвертывать.

Валерия Бурова не была безропотной овцой или законченной идиоткой. Просто доверилась мужу, как малое дитя, и, кажется, напрасно. Леонид решил обойтись с ней как прожженный циник, собравшись отписать новоявленной дочке их семейный бизнес. Похоже, готовится к разводу, обобрав под занавес дуреху-жену до нитки. И это понятно, ведь в рейтинге его ценностей Валерия теперь занимает далеко не первое место, а самое распоследнее, если вообще участвует в конкурсе. Теперь она для мужа никто. Или хуже, чем никто. Она для мужа помеха.

Но разве для нее это явилось открытием? Разве десять минут назад она именно об этом не размышляла, растравливая рану? Что она мешает родственникам общаться и так далее?..

Оказывается, не всерьез размышляла. Не верила в эту дичь, чушь, абсурд и ахинею. Теперь придется поверить и обживать новое место, которое ей только что указали.

Место ей не нравилось, и обживать его Лере не хотелось. А хотелось дать волю эмоциям, которые давно рвались наружу. Хлопнуть со всей силы крепкой ладонью по столу, набрать в грудь побольше воздуха и рявкнуть, чтобы он катился на все четыре и куда подальше, не забыв прихватить с собой наглуую девку и девкин «Скворечник», а потом шарахнуть об стену хрустальным тазиком для новогоднего салата оливье, и чтобы толстые кусочки хрусталя тяжелым снопиком плавно осыпались на плитус.

Но для этого нужно как минимум дождаться возвращения супружника с работы. Или куда он там отправился?

Сил сидеть в четырех стенах и ждать у нее не было абсолютно, и она снова ухватилась за распухший саквояж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.